

ГРАНИЦЫ РЕАЛЬНЫЕ И ВООБРАЖАЕМЫЕ

DOI: 10.31168/4465-3095-3.18

Дмитрий Поляков
(Москва)

«Вариации на центральноевропейские темы» Данило Киша как опыт конструирования пространства

Любое наименованное пространство, как справедливо отмечали многие исследователи, есть некий конструкт, плод воображения человека или коллектива, члены которого создают так называемые ментальные карты, где и закрепляют свои «представления о пространственной структуре окружающего мира, который они видят или могут вообразить себе» [Шенк 2001: 4]. В качестве примера приведем *Восток* (как сущность, целиком «созданную» западным дискурсом – Э. Саид предложил именовать его «ориентализм» [Саид 2006]), *Азию*, *Восточную Европу* [Вульф 2003], *Балканы* [Todorova 1997/2009].

То же самое касается и *Центральной Европы*. Это наименование многозначно; его толкования не только отличаются друг от друга смысловыми нюансами или набором составляющих, но и в принципе описывают *разные* феномены: исторический и культурный регион, объект и субъект геополитики, ментальное пространство¹⁸³. «Карта» Центральной Европы

---

¹⁸³ Ср. следующую констатацию: «Знакомство с обширной литературой о Центральной Европе порой приводит к выводу, что изучение Центральной Европы как исторического региона и дискуссия о Центральной Европе – явления совершенно разные. Изучение – это прежде всего исследование по широкому кругу проблем социально-экономической, политической, культурной истории стран и народов региона, в которых авторы, восходя от частного к общему, сталкиваются с необходимостью типологизации находящихся в центре их внимания процессов на территории к востоку от Эльбы и на запад от России. Дискуссия о Центральной Европе – это нередко абстрактный и почти всегда политизированный обмен аргументами “за” и “против” существования особой зоны в Европе, генетически связанной с

явлена в огромном корпусе текстов-описаний (в самом широком смысле, т.е. географических карт, научных работ, художественных произведений, публицистики и вообще любых текстов культуры).

Бум центральноевропейской идеи относится к 1980-м гг., когда сразу в нескольких публикациях был сконструирован

культурный и литературный миф о «Центральной Европе». Причины появления этого мифа кроются прежде всего в том факте, что несколько лет назад Западная Европа внезапно осознала, что некая культурная традиция уходит с исторической сцены, что ее культурное наследие находится под угрозой полного исчезновения. Это в первую очередь политическая проблема, поскольку постепенное угасание этой культурной традиции было вызвано прежде всего постоянным присутствием Советского Союза в странах Центральной Европы. <...> То, что в Западной Европе, а затем постепенно и в странах Центральной Европы, находящихся под властью коммунизма, вообще началось такое пробуждение культурного сознания, является заслугой писателей-эмигрантов, таких как Милан Кундера, живущий сейчас в Париже [Kiš 1989: 779].

В цитате сформулированы важнейшие черты центрально-европейского дискурса 1980-х гг.: совмещение в нем собственно культурной и политической плоскостей; его самоидентификационный характер (таким образом, прототипическим *Другим* оказывался «Восток», т. е. СССР/Россия); оппозиционность по отношению к власти; обращенность к западному реципиенту. Наконец, использование понятия *Центральная Европа* указывало на принадлежность к неофициальному и даже оппозиционному гуманитарному дискурсу: центральноевропейскую идею начали развивать интеллектуалы, находившиеся на периферии или даже вне официального культурного канона у себя на родине, либо вовсе политически неудобные диссиденты и эмигранты

Западом, но волей исторических судеб отнесенной к чуждой ей восточной окраине континента» [Хаванова 2001: 47].

(как Ч. Милош или М. Кундера)¹⁸⁴. В то же время на протяжении 1980-х – 1990-х гг. на эту тему как-либо высказались представители всех литератур регионов: чехи М. Кундера, В. Гавел, Й. Шкворецкий, Й. Кроутвор, словак П. Виликовский, словенцы М. Рожанц, М. Дор и Д. Янчар, венгры Д. Конрад и П. Эстерхази, хорват П. Матвеевич, поляки Ч. Милош, А. Загаевский, затем – А. Стасюк и многие другие. Сама тогдашняя «дискуссия о Центральной Европе», сыгравшая большую роль в политической и интеллектуальной жизни 1980-х гг., хорошо описана и исследована с различных точек зрения¹⁸⁵.

В 1987 г. выходит эссе сербского писателя Данило Киша «Вариации на центральноевропейские темы». Будучи признанным европейским интеллектуалом, Киш активно участвовал в центральноевропейской дискуссии. Текст «Вариаций» писался для выступления на конференции «Политика и интеллектуалы в Центральной Европе» в 1986 г. [Kiš 1987в: 1], затем был опубликован во Франции, Югославии [Kiš 1987а, б] и в канадском ежегоднике «Cross Currents»¹⁸⁶, сыгравшем важную роль в укреплении и продвижении центральноевропейского дискурса [Kiš 1987в]. «Вариации» невозможно рассматривать вне экстралитературного контекста тех лет: своим эссе Киш и формулировал собственное отношение к «центральноевропейской проблеме», и отвечал на уже вышедшие тексты других писателей, прежде всего – Милана Кундеры.

¹⁸⁴ Д. Киш, вынужденный уехать во Францию после травли в прессе в 1979 г. [Дубин 2002: 57], однако свободно печатавшийся в Югославии и получивший там литературные премии и государственные награды, составляет здесь частичное исключение. Полемику с версией о его диссидентстве, наделяющей всех адептов центральноевропейской идеи чертами оппозиционности и тем самым их унифицирующей, см. в [Milutinović 2014].

¹⁸⁵ Посвященная этой дискуссии литература действительно огромна; упомянем хотя бы [Todorova 1997/2009; Шенк 2001; Хаванова 2001; Subotić 2007; V kleštích dějin 2009; Labov 2019] и библиографию к каждой из работ. О месте России в центральноевропейских построениях см. [Миллер 2001; Нойманн 2004].

¹⁸⁶ См. о нем [Labov 2019: 17–54], о публикации в нем «Вариаций» см. [Labov 2019: 101–110].

Как считается, именно эссе Кундеры «Трагедия Центральной Европы» [Kundera 1983; Кундера 1985] положило начало бурной дискуссии не столько о том, справедливо ли бинарное членение континента на Восток и Запад, «кодифицированное» после Второй мировой войны разделением на полярные политические блоки, сколько о том, справедливо ли относить европейские сателлиты СССР к «Восточной Европе», несмотря на их историческую принадлежность к миру Запада, католической культурной и религиозной традиции, вековые связи с соседними народами «Западной Европы» и долгое соседство с ними в рамках одних государств, прежде всего Австро-Венгрии. Это было сформулировано предельно четко: географически Центральная Европа находилась в центре, но принадлежала «в культурном отношении – к Западу, а в политическом – к Востоку» [Кундера 1985: 171]. (Еще один известный заголовок этого эссе – «Похищенный Запад»: позиция автора становилась ясна еще до прочтения текста.)

Политически «Вариации» Киша остаются в тени как резких формулировок Кундеры, текст которого действительно отличался «предельной откровенностью пропагандистского высказывания» [Миллер 2001], так и других куда более программных заявлений (например, Д. Конрада). Современные исследователи, упоминая «Вариации» в ряду политических манифестов центральноевропейского дискурса, ограничиваются ссылками на фрагменты о соотношении национального и наднационального в концепции Центральной Европы и броскую метафору из начала эссе [Нойманн 2004: 193–194, 199], другие же вовсе не разбирают тексты Киша в связи с дискуссией 1980-х (как [Todorova 1997/2009], обоснованная критика этого – в [Rosic 2006: 375–376]). Действительно, эмансипационный пафос, характерный для ряда «центральноевропейских» текстов 1980-х гг., можно скорее найти в интервью (ср. процитированный выше фрагмент одного из них) и других публичных выступлениях писателя, чем в тексте «Вариаций».

Эссе Киша неотделимо от политической дискуссии тех лет, но не сводимо к ней. Более того: с исчезновением проблемы «раздвоенности» Европы, ее, говоря словами Кундеры, «похищения Востоком», оно утратило злободневность, но осталось актуальным как карта ментального пространства. На первый план выдвинулись собственно «поэтические» (т.е. литературные) аспекты этой проблемы.

Это тем более важно потому, что Центральная Европа как наднациональная общность была «своим» пространством для Киша – сына венгерского еврея и черногорки, родившегося в воеводинской Суботице, а выраставшего и взрослевшего в западной Венгрии, в Цетине и затем в Белграде. Он определял себя именно как писателя Центральной Европы и Югославии [Kiš 2012: 9, 155]. «Вариации», таким образом, ценны и как манифест самоидентификации, рефлексия собственного литературного происхождения и собственной поэтики. Как Киш говорил на одном из «центральноевропейских» круглых столов, «все мы <...> имеем нечто общее, общую историю, с различиями, данными нам национальной историей, этническим происхождением и внутренними спорами. Все это определяет наши литературные характеристики» [The Budapest Roundtable 1991: 27].

Корпус «центральноевропейской» эссеистики и публицистики Киша, помимо «Вариаций», составляют их черновой фрагмент (отдельно опубликован уже после смерти автора) [Kiš 1995: 332–334], интервью (например, [Kiš 1989]) и выступления на круглых столах и конференциях [Лиссабонская конференция 2005; The Budapest Roundtable 1991: 17–30]. Центральноевропейские идеи возникают и в других эссе Киша на другие темы [Kiš 2012: 9, 155]¹⁸⁷, а топос Центральной Европы – важнейшая часть его прозы (см. об этом [Grunert 2009; Zorić 2014: 514–522; Бечејски 2016а: 17, 21]).

---

¹⁸⁷ Разбор эссеистики писателя см. в [Бечејски 2016б: 296–310].

Итак, «Вариации на центральноевропейские темы» состоят из 38 фрагментов, или небольших главок, в которых раскрывается сущность понятия «Центральная Европа», определяется ее место на пространственной и временной осях, характеризуются ключевые концепты и фигуры, значимые для центрально-европейского региона.

Исследователи и публицисты называли эссе «энциклопедическим» [Labov 2019: 48] и – в духе «картографической» метафоры – сравнивали его с путеводителем по «виртуальной, а может быть, реальной Центральной Европе», охотно перечисляя ее составляющие, встречающиеся в тексте (повторим за М. Пантичем): «Кафка, Музиль, Крлежа, Карл Краус, Фрейд, Отто Вейнингер, Костоланьи... Психоанализ, сецессион, экспрессионизм, диссидентство, апатризм, билингвизм. Мультикультурность как единая культура. <...> Еврейство, травма идентичности...» [Pantić 2002: 9] (здесь и далее перевод мой. – Д. П.).

Известную проблему при анализе элементов этого пространства составляет уже упомянутая многозначность ключевого понятия. В «Вариациях» она не разрешается, а наоборот: Центральная Европа выступает во всех ипостасях, то как историко-культурный феномен, то как группа стран-сателлитов СССР, то даже как продукт актуальной концепции 1980-х гг.: ср. «“Центральная Европа” также означает законное стремление к признанию этого общего наследия (общего с Западом; курсив мой. – Д. П.)» (132)¹⁸⁸. Здесь Киш прямо уподобляет географическое наименование ментальному акту, т. е. отождествляет понятие «Центральная Европа» и дискурс о нем. Синкретично интерпретируемая Центральная Европа наделяется в тексте рядом ключевых признаков.

---

¹⁸⁸ Все ссылки на «Вариации» указываются по изданию [Kiš 2012], номера страниц здесь и далее приводятся в круглых скобках.

Нечеткость границ. Именно она, по Кишу, является важнейшим свойством Центральной Европы. «Вариации» начинаются со сравнения, которому затем предстояло быть многократно процитированным: «Без ясных границ, без Центра или с несколькими центрами, “Центральная Европа” сегодня все больше похожа на того дракона с Альки из второй книги “Острова пингвинов” Анатоля Франса <...>: никто из тех, кто утверждал, что его видел, не мог сказать, как он выглядит» (125). Границы центральноевропейского пространства далее никак не уточняются, однако тематика дальнейших фрагментов подразумевает части бывшей Австро-Венгрии: обсуждаются его чешские, венгерские, хорватские, австрийские, польские составляющие – как художественные феномены, так и персоналии (Музиль, Кафка, Барток, Кундера, Кусьневич, Рожанц и многие другие); иногда, впрочем, оно может расширяться, как в вариации 21, посвященной сербской культуре, которая воспринимала европейские идеи через Россию (134).

Значимое отсутствие: «перфект или плюсквамперфект». Далее негативная модальность усиливается: в нескольких начальных фрагментах «Вариаций» обосновывается тезис о том, что цельной Центральной Европы более не существует: «Говорить сегодня о Центральной Европе как о едином геополитическом или культурном феномене – довольно рискованно» (125); «“Центральная Европа” как историко-культурный феномен сегодня – факт прошлого» (132)¹⁸⁹.

В этом можно усматривать некоторую полемику с адептами центральноевропейской идеи и прежде всего М. Кундерой (далее в тексте возникают ссылки в т. ч. на его эссе и множественные переключки с ним вплоть до имен и тем). Ограничивая

---

¹⁸⁹ Амбивалентность пространства, одновременно существующего и отсутствующего, заложена и на уровне оформления текста: «Центральная Европа» в эссе регулярно возникает в кавычках или сопровождается атрибутом «так называемая» (125, 131, 132).

свои рефлексии культурно-исторической областью и располагая Центральную Европу целиком в плане прошлого, Киш ставит под сомнение публицистический пафос и патетику Кундеры (ср. «Центральная Европа как семья малых народов имеет собственное видение мира»; «Центральная Европа должна противостоять не только сильному агрессивному соседу, но и безжалостному дуновению времени» [Кундера 1985: 181, 186]).

Ось времени в «Вариациях» имеет куда большее значение, чем пространственная. Ключевым является отнесение региона к перфекту (метафору «перфекта или плюсквамперфекта», в которых только и можно говорить об общности европейских судеб «после Ялты¹⁹⁰ и Хельсинки» (125) предложил сам Киш). Заметим, семантически это скорее перфект, чем плюсквамперфект: прошлое состояние, как затем покажут рассуждения, имеет результат в настоящем, а текущее «несуществование» Центральной Европы остается значимым, подобно нулевой морфеме. «Центральноевропейской дискуссии», заметим, предстояло превратить этот перфект в презенс: «мы оказались между двух культурных влияний и пытаемся найти собственное место», как сказал Киш во время острой дискуссии с советскими писателями о концепции Центральной Европы [Лисабонская конференция 2005].

Пространство противоречий. Оппозиция небытия в настоящем и бытия в прошлом тоже в некотором смысле иллюзорна. Киш разделяет исходный пункт центральноевропейского дискурса: уход Центральной Европы с карты мира есть следствие послевоенного устройства, которое «исключило Вену

---

¹⁹⁰ Ялта, т. е. Ялтинская конференция 1945 г., на которой были распределены сферы влияния союзников в послевоенной Европе, вообще определяется в центральноевропейском дискурсе тех лет как ключевое событие, приведшее к сложившемуся положению вещей, ср. название первой главы «Антиполитики» Д. Конрада «Мир, или анти-Ялта» [Konrád 1984: 1]; у М. Кундеры: «Центральной Европы более не существует. Три мудреца в Ялте разделили ее надвое и приговорили к смерти» (цит. по [Миллер 2001]) и др.

из круга ее бывших колониальных, присоединенных или “естественных” союзников, а Будапешт, Прага, Варшава, Бухарест сегодня ближе к Москве, чем к Вене» (127). Происходит все большее замыкание соседних культур в национальных границах: «видеть сегодня единство в этом обширном и разнородном пространстве, среди стольких национальных культур и языков – в значительной степени следствие определенного упрощения: не замечать различия и подчеркивать сходства» (126).

В то же время и Австро-Венгрия, которой наследует сегодняшняя идея Центральной Европы, никогда не представляла собой синтез культур и единую идеологическую концепцию, а наоборот, была пространством притяжения и отталкивания, порождением внутренних различий между собственными частями: «примерно в 1848 году романтизм вместе с панславянским увлечением взрастит такую же ненависть к Австрии и Венгрии, какую питал к Австрии и к славянским народам омадьяренный славянин Петефи» (126). В то время как Кундера сглаживает внутрорегиональные противоречия, обвиняя в «беде Центральной Европы» Восток, Запад, идеологию панславизма, Киш констатирует внутреннюю невозможность подлинного синтеза.

Вена также амбивалентна, она одновременно источник важнейших культурных процессов и синоним провинциальности, которому, например, хорватские писатели противопоставляли свои «парижские паломничества» (134); национальные культуры и литературы строили свою идентичность на артикуляции взаимных различий национальных культур и литератур, «но в первую очередь – на противостоянии Вене и венской культурной сфере» (133). Т. е. национальное одерживало победу над региональным, а общая «австро-венгерская культура» на поверку оказывалась совокупностью импульсов, идущих конкретно из столицы монархии.

Итак, «различия между национальными культурами этого региона важнее их сходств, антагонизмы важнее сближений и однородности» (125–126). «Именно поэтому Центральная

Европа есть утопия, видение, – парадоксально развивает идею Киша М. Пантч – и поэтому в ней действительно можно жить, как можно жить и в других химерах» [Pantić 2002: 10].

Еврейство и антисемитизм. Одно из главных центрально-европейских противоречий – зарождение и развитие антисемитизма именно там, где была велика роль еврейства. В Австро-Венгрии как «государстве, которое не было ведомо ни ясной концепцией, “ни творческой волей одной нации, ни свободным объединением наций, которые могли бы составлять его скелет и оживить его ткани своей кровью” (Музиль)», в «“вакууме ценностей” (Брох), созданном анонимным административным организмом двуглавой империи» (131). «Бум гениев» (психоанализ, сецессион, романтизм и т. д.) случился во времена «кажущейся относительной стабильности, роскоши и разврата, которые, однако, не смогли развеять <...> предчувствие надвигающейся катастрофы»¹⁹¹.

Именно еврейство, бывшее «динамической силой» Австро-Венгрии и придававшее ей «цвет и тон» (131), становится, по Кишу, главным носителем травмы, идущей еще от австро-венгерского антисемитизма и росшей впоследствии: новая фрустрация наложилась на давнюю. Как написала позже С. Зонтаг, практически повторив сказанное в «Вариациях» о центральноевропейском еврее-интеллектуале (137), «Кишу достался для жизни отрезок времени, на котором с начала до конца соревновалось наихудшее, что имел предложить его части Европы двадцатый век: нацистская оккупация, геноцид евреев, а затем советское нашествие» [Зонтаг 2006].

Внимание к роли еврейства в Центральной Европе стало общим для эссе Киша и Кундеры. Подчеркивая эту роль и объявляя именно евреев «средоточием духа», «интеллектуальным цемен-

¹⁹¹ Друг Киша, литератор Ф. Давид, высказался об этом еще более определенно: Киш «воспринимал Центральную Европу одновременно как центр богатой и вдохновляющей культуры и как политический центр современного расизма, породившего нацизм и Гитлера. Эта мучительная двойственность преследовала и тревожила его» [Nikčević 2014].

том» региона, оба писателя в то же время артикулируют разные идеи. У Кундеры евреи суть малый народ, переживший империи и «выдержавший сокрушительную поступь истории», хотя после Аушвица, возможно, Центральная Европа лишилась своей души [Кундера 1985: 180, 186]. В видении Киша центральноевропейское еврейство – одна из тех составляющих, исчезновение которой и сделало Центральную Европу «перфектом», а Вену тотчас превратило в духовную провинцию и (по иронии судьбы) лишь «перевалочный пункт для еврейских беженцев из Советского Союза и стран-сателлитов, остановку на пути в Израиль или Америку» (131).

Центральная Европа и ностальгия по Европе. В «Вариациях», как было сказано выше, «Центральная Европа» многозначна. Одним из значений выступает тот самый «культурный и литературный миф», произведенный на свет в 1980-е гг. В качестве реакции на ход полемики о ней (ко времени написания текста длившейся не меньше двух лет) в эссе Киша появляется характеристика даже не столько нового мифа, сколько дискурса, который метонимически скрыт за тем же «географическим» понятием:

С точки зрения культуры, “Центральная Европа” (то есть введение этого понятия и последующая дискуссия! – Д. П.), возможно, означает лишь желание заявить о генеалогическом древе Европы как о своем собственном древе, восточные ветви которого принадлежат к тому же стволу и питаются теми же соками Средневековья, религии (или религий), Ренессанса, барокко, <...> несмотря на отличия или *скорее благодаря им*. Поскольку именно эти отличия делают ее особенной, придавая ей своеобразие внутри *европейского* целого (132).

Киш использует концепцию «виртуальной Европы» венгерского философа и литературоведа М. Вайды (127). Стремление туда, т. е. к общим ценностям при всех различиях – важная часть центральноевропейского сознания. Объединяющим для

разных центральноевропейских народов является – при их вечных противоречиях – вклад в общеевропейскую культуру. Если Кундера говорит о «возвращении на Запад», то Киш – при всей схожести формулировок и близости «виртуальной» (т. е. нереальной, несуществовавшей) Европы Западу – стремится «поддерживать, подчеркивать и даже максимизировать в том числе принципиальные и неустрашимые отличия Восточной (т. е. Центральной. – Д. П.) Европы от Западной» [Дубин 2002: 56–57].

За движением в общую, «виртуальную» Европу можно видеть фундаментальное свойство центральноевропейского дискурса 1980-х гг. – стремление к признанию Западом [Миллер 2001]. С этим связано и определение культуры Центральной Европы как «ностальгии по Европе» (127).

Центральная Европа как Другой в глазах Запада. Важная черта «Вариаций» – развиваемая далее тема самоощущения центральноевропейца как *Другого* по отношению к Западу, точнее говоря, «*Другого* против собственной воли». Подробное объяснение этого феномена в вариациях 15–18 связано с особенностями коммуникативной ситуации (ср. о ней [Миллер 2001; Лиссабонская конференция 2005]): текст был предназначен в первую очередь для западного восприятия.

Киш, в отличие от Кундеры, не ограничивается обвинениями в адрес Запада, позволившего Востоку (т. е. России) «похитить» Центральную Европу, хотя и отмечает – с той же адресацией и в той же модальности:

Внезапный интерес к так называемой Центральной Европе случился не столько из-за осознания, что некая культура полностью осталась в тени, сколько из-за открытия Западом того, что манихейский раскол между Востоком и Западом привел к исчезновению, словно в тумане, целой части Европы (131). Выйдя из долгой идеологической спячки, европейский Запад обнаружил, что часть его собственного культурного наследия отсутствует, а из-за утраты обеднел и он сам (132).

Как видим, за «внезапным открытием» и «обнаружением» навсегда потерянной части Европы, фрагмента *собственной* культуры – не только «долгая идеологическая спячка», но и традиционное невнимание Запада к «варварским зонам (кроме, конечно, Вены)». Большие нации игнорировали их «с высоты своего самодовольства», в то время как там существовали «литература и культура, которые до того времени оставались незамеченными» (132).

Чувствуя себя представителем единой культурной общности с западным миром, центральноевропейец тем не менее исторически был обречен на его невнимание, непонимание и пренебрежение, существование в «темной зоне Европы, которая – вопреки всему – не является Азией» (132). Киш цитирует писавшего о Венгрии М. Вайду, распространяя сказанное им на другие части региона: Европа «“всегда упрямо отказывалась принимать во внимание хотя бы само существование нашего языка, нашей культуры, нашей литературы”». Это, конечно, в большей или меньшей степени относится ко всем народам и языкам того анклава, который называется Центральной Европой» (127).

С этим комплексом «вечного *Другого*» Киш связывает и радикальный отказ от центральноевропейской идеи, представленный, например, у М. Крлежи, который видел в ней «искусственный трюк» (128)¹⁹². Непринятие Центральной Европы, таким образом, означает лишь вынужденный побег от ассоциации с «провинцией, азиатской степью или венским сецессионом» (127), попытку самостоятельной легитимации в общей «виртуальной Европе».

Интеллектуал-центральноевропейец. Главным при определении центральноевропейского пространства оказываются не столько физические и даже культурные границы, сколько фигура центральноевропейца. Это отнюдь не случайно: ментальный феномен, который представляет собой Центральная Евро-

---

¹⁹² См. подробнее [Škvorc 1998].

па, не может быть охарактеризован в отрыве от его носителя. Определяя его в качестве центра пространства, Киш ярче других эксплицирует идеи всего центральноевропейского дискурса, ср. слова Д. Конрада: «центральноевропейство – это не гражданство, а мировоззрение» [Лиссабонская конференция 2005].

Культуроцентризм «Вариаций» проявляется и здесь: во фрагментах 30–31 Киш перечисляет писателей и философов, биографию которых определило центральноевропейство: это Карл Поппер («именно та центральноевропейская *differentia specifica*» отличает его от других философов и «обуславливает его (негативное) отношение к тоталитаризму и его носителям») или Артур Кестлер с метаниями «от иудаизма до теории ассимиляции, от марксизма до абсолютного отрицания коммунизма, от заигрывания с восточным спиритуализмом до его демистификации...», выступающий как олицетворение «возможной биографии каждого интеллектуала из Центральной Европы. В ее радикальной версии» (138).

Смешанное происхождение обоих вновь становится олицетворением утраченной мультикультурности («интеллектуальная авантюра» Кестлера объясняется его венгеро-чешско-еврейской родословной), которая вообще является одной из констант центральноевропейского дискурса: сплетением «национальных судеб даже среди самых выдающихся людей каждой страны» [Кундера 1985: 180] восхищается и Кундера, приводя в пример биографии Фрейда, Гуссерля, Малера, Йозефа Рота, Кафки и самого Киша.

Носителей центральноевропейской поэтики, среди которых, например, поляк А. Кусьневич или венгр П. Эстерхази, объединяет

имманентное присутствие культуры – в форме аллюзий, реминисценций и цитат из всеобщего европейского сада, осознание труда, которое, тем не менее, оставляет при нем спонтанность, равновесие канатоходца между ироничным пафосом и лирическими отступлениями. Это не много. Это все (138–139).

Фигура такого «книжника», носителя культурной памяти и общеевропейской традиции – и есть сама Центральная Европа. Это интеллектуал, писатель, пропустивший сквозь себя весь ее трагический опыт: неизвестного за пределами этой Европы языка, изгнания, молчания. Именно в нем живет это пространство, с ним оно уйдет. Киш переворачивает устоявшееся общественное восприятие: не писатели-диссиденты отстаивают центральноевропейский дискурс, но наоборот: они потому и являются диссидентами, что несут в себе его, т. е. стремятся (иногда, по Кишу, бессознательно) в ту «виртуальную Европу», о которой писал Д. Вайда – вопреки «экстралитературной» ситуации:

Поскольку само осознание принадлежности к центральноевропейской культуре в конечном итоге является инакомыслием, писатель, которого называют центральноевропейским или который определяет себя таким образом, чаще всего живет в изгнании (Милош, Кундера, Шкворецкий) или оказывается маргинализован и издается в самиздате (Конрад), а то и сидит в тюрьме (Гавел). Подобно еврею, желающему доказать свою интегрированность, он обнаруживает, что недоразумение возникло из-за его собственной сдержанности и почти бессознательного стремления к широким, демократическим, европейским горизонтам – именно то, в чем его и обвиняли. Последствием будет изгнание. Или тюрьма (139).

Последние части «Вариаций», где Центральная Европа осмысляется даже не как культурно-исторический или ментальный феномен, но как поэтика, освещают важность для писателя-центральноевропейца **языка**. Язык выступает основным показателем идентичности, носителем памяти и культуры: «язык – это судьба» (139), именно он «проявляет» многослойность региона; центральноевропейец родился двуязычным и еще несколько языков выучил потом.

Язык тут централен, к нему сходятся все линии (изгнания, непонимания другими, немоты): центральноевропейец «пишет не только словами, но и бытием, этосом и мифом, памятью,

традициями, культурой» (139), только в языке он, не находя идеалов «открытого общества» ни в национализме, ни в коммунизме, «обнаружит свою единственную законность», а в литературе – «то “странное и таинственное утешение”, о котором говорит Кафка» (140).

Такой подход к языку как показателю истинности и ценности текста, вместе со скептическим отношением к переводимости – вообще отличительная черта поэтики Киша: в начале «Гробницы для Бориса Давидовича» читаем: «Но чтобы стать правдивым именно так, как о том мечтает его автор, надо бы изложить его (рассказ. – *Д. П.*) на румынском, венгерском, украинском или идиш, или, что предпочтительнее, на смеси этих языков» [Киш 2017: 5].

Крайней степенью «всегдашней вненаходимости, включенности – исключенности Центральной Европы в Европу, завершением драмы ее “неаутентичности” у Киша выступает изгнание» [Дубин 2002: 57]. Изгнанник при этом лишен не столько собственного дома, сколько «дома своего языка», он остается наедине с языком как со знаком собственного изгнания. Его драма в том, что «семейная библиотека больше не может быть ему полезна, а его обращение к литературным предкам остается без эха» (140), то есть за пределами восприятия: изгнание ведет к немоте.

Именно языку как инструменту культурной памяти и признаку идентичности посвящен посмертно опубликованный фрагмент «Вариаций», не вошедший в основной текст. Эти идеи в нем развиваются еще интенсивнее, а портрет центральноевропейца еще более уточняется. Это именно изгнанник, который

пишет на своем родном языке – чешском, словацком, польском, венгерском, сербохорватском (сербском или хорватском), может быть, и на идиш (хотя мне кажется, что он слишком молод для этого) – будто на мертвом, и оттого этот язык для него еще более драгоценен; еще он говорит и читает на французском, немецком, венгерском, русском, он с рождения двуязычен, и еще два-три языка он выучил потом, но все спрашивают его, единственного (как ему кажется) хранителя

своего далекого и близкого родного языка, спрашивают его, почему он не пишет по-французски, по-немецки, по-английски, а он уже в сотый, в тысячный раз объясняет, что пишут не языком, а всем бытием, мифом, традицией, сознанием и подсознанием, утробой, памятью, всем тем, что по взмаху руки превращается в автоматизм, в случайную метафору, в ассоциацию, в литературную аллюзию, в идиотизм, в бессознательную или намеренную цитату. Потому что он – и именно это делает его центральноевропейским писателем – влечет за собой страшный груз языковых и музыкальных мелодий... (142)

В тексте Киша представлены очень многие универсальные черты центральноевропейского дискурса: сохранение памяти и работа с ней, обращенность в прошлое (находящее разные формулировки: «перфект или плюсквамперфект», «ностальгия», «общее наследие» и др.), проживание исторических травм, осознание безвозвратно утраченной мультикультурности, сохраняющейся лишь в поэтике писателей-центральноевропейцев. В то же время в «Вариациях» акцентируются и внутренние противоречия народов Центральной Европы, являющих собой единую общность не вопреки, а благодаря этим различиям. На первом плане в эссе оказывается не изолированный концепт Центральной Европы, но носитель этого концепта, интеллектуал, гуманитарий, писатель. Так центральноевропейский дискурс становится для Киша исповедальным: благодаря ему оказывается возможным объяснить сущность собственной поэтики.

Литература

Бечејски М. «Варијације на средњоевропске теме» Данила Киша // Баштина. 2016а. Св. 40. С. 11–24.

Бечејски М. Есејистика Данила Киша: докторска дисертација. Ниш, 2016б.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М., 2003.

Дубин Б. Европа – «виртуальная» и «другая». Глобальное и локальное в идентификации восточноевропейских интеллектуалов после Второй мировой войны // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 4 (60). С. 49–59.

Зонтаг С. Данило Киш. Предисловие к сборнику эссе и интервью Данило Киша «Homo Poeticus» (New York, 1995) // Две статьи о Данило Кише / пер. с англ. Б. Дубина // Text only. 2006. № 6 (20). URL: <http://textonly.ru/case/?issue=20&article=14962> (дата обращения: 21.02.2020).

Киш Д. Гробница для Бориса Давидовича / пер. с серб. Е. Сагалович. М., 2017.

Кундера М. Трагедия Центральной Европы // Проблемы Восточной Европы. 1995. № 11–12. С. 170–191.

Лиссабонская конференция по литературе. Русские писатели и писатели Центральной Европы за круглым столом // Звезда. 2006. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2006/5/lissabonskaya-konferenciya-po-literature-russkie-pisateli-i-pisateli-czentralnoj-evropy-za-kruglym-stolom.html> (дата обращения: 21.02.2020).

Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // НЛО. 2001. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/6/tema-czentralnoj-evropy-istoriya-sovremennye-diskursy-i-mesto-v-nih-rossii.html> (дата обращения: 21.02.2020).

Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисл. А.И. Миллера. М., 2004.

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / послесл. К.А. Крылова, пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб., 2006.

Хаванова О.В. Центральная Европа как уходящая натура? (Некоторые итоги дискуссии последних десятилетий в венгерской историографии) // Политическая наука. 2001. № 4. С. 47–56.

Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе / пер. с нем. А. Жоровой // Политическая наука. 2001. № 4. С. 4–17.

Grunert H. Das Mitteleuropakonzept von Danilo Kiš // Kakanien revisited. 12.05.2009. URL: <https://www.kakanien-revisited.at/beitr/fallstudie/HGrunert1.pdf> (дата обращения: 21.02.2020).

Kiš D. Variations sur des thèmes d'Europe centrale / traduit du serbe par P. Delpech // Le Messager européen. 1987a. № 1. P. 278–302.

Kiš D. Varijacije na srednjoevropske teme // Gradac. 1987b. Br. 76–77. S. 31–39.

Kiš D. Variations on the Theme of Central Europe // Cross Currents: A Yearbook of Central European Culture. 1987в. P. 1–14.

[*Kiš D.*] “Ich glaube nicht an die Phantasie des Schriftstellers”. Adalbert Reif im Gespräch mit Danilo Kiš in Paris // Universitas. 1989. Nr 8 (1989). S. 779–788.

Kiš D. Skladište. Beograd, 1995.

Kiš D. Poslednje pribežiste zdravog razuma (eseji). Beograd, 2012.

Konrád G. Antipolitics: pushing the state out of our nightmares: an essay. San Diego, 1984.

Kundera M. Un Occident kidnappé ou la tragédie de l'Europe centrale // Le Débat. 1983. № 27. P. 3–23.

Labov J. Transatlantic Central Europe: Contesting Geography and Redefining Culture. Budapest, 2019.

Milutinović Z. Territorial Trap: Danilo Kiš, Cultural Geography and Geopolitical Imagination // East European Politics & Societies. 2014. Issue 4. P. 715–738.

Nikčević T. Filip David. Intervju // Peščanik. 16.10. 2014. URL: <https://pescanik.net/filip-david-intervju/> (дата обращения: 21.02.2020).

Pantić M. Varijacije na temu Danilo Kiš i Srednja Evropa // Polja. 2002. Br. 419. S. 8–11.

Rosić T. Koncept Srednje Evrope u savremenom srpskom romanu i politika novih kulturnih identiteta // Слика другог

у балканским и среднеевропейским књижевностима / Ур. М. Матицки. Београд, 2006. С. 375–389.

Subotić M. Na drugi pogled. Prilog studijama nacionalizma. Београд, 2007.

Škvorc B. Miroslav Krleža's Discursive Tactics: The Questions of Central Europe and the Balkans // *New Zealand Slavonic Journal*. 1998. P. 189–210.

The Budapest Roundtable // *Cross Currents: A Yearbook of Central European Culture*. 1991. P. 17–30.

Todorova M. Imagining the Balkans. Oxford et al., 1997. Updated Edition. Oxford et al., 2009.

V kleštích dějin: Střední Evropa jako pojem a problém / Ed. J. Trávníček. Brno, 2009.

Zorić V. The Mirror and the Map: Central Europe in the Late Prose of Danilo Kiš // *Књижевна историја*. 2014. Бр. 153. С. 505–524.

Анотация

Объектом исследования является эссе сербского писателя Данило Киша «Вариации на центральноевропейские темы» (1986), в котором ставится вопрос о существовании Центральной Европы как особого географического, культурного и ментального пространства. Это эссе рассматривается как «ментальная карта» данного региона; выделяются ключевые его составляющие (по Кишу): элементы триады «человек – пространство – время» – важнейшие представители центральноевропейского культурного канона. Эссе Киша ставится в контекст многочисленных публицистических произведений 1980-х гг. авторства других писателей (прежде всего М. Кундеры) – именно в то время разгорелась острейшая дискуссия о содержании понятия «Центральная Европа».

Ключевые слова: Центральная Европа, центральноевропейский дискурс, ментальные карты, стереотип, воображаемая география, Данило Киш.

Summary

Dmitry Polyakov

“Variations on the Theme of Central Europe” by Danilo Kiš as an Experience of Space Cartography

The focus of the paper is the essay “Variations on the Theme of Central Europe” by a Serbian author Danilo Kiš (1986). This essay raises the question of Central Europe as a special geographical, cultural and mental area. The author of the essay considers this essay as a “mental map” of the region and identifies the key components of it (according to Kiš): these are the elements of the triad “human – space – time” and the most important representatives of the Central European cultural canon. Kiš’s essay is placed in the context of numerous texts written in the 1980s by other authors (first of all, M. Kundera). It was at that time that a heated discussion about the concept of Central Europe flared up.

Keywords: Central Europe, Central European discourse, mental maps, stereotype, imaginary geography, Danilo Kiš.